

Станислав Валентинович Богданов
(Российский Государственный Исторический Архив, Санкт Петербург)

Национальный состав правящей элиты Российской империи эпохи последнего царствия, на примере придворного штата Николая II

К началу XX века Российская империя состояла из частей, заселенных многими народами, имевших разное этническое происхождение, принадлежавших к различным конфессиям и вероисповеданиям и стоявших на разных этапах социального развития - от Царства Польского, населенного поляками-католиками и северо-западных губерний с преобладающим протестантским населением до мусульманской Средней Азии и преимущественно языческого Дальнего Востока. Каждая часть многонационального государства имела свою, издавна сложившуюся, элиту а взаимоотношения местных элит их и государственного аппарата имели свою специфику.

Квинтэссенцией правящей элиты Российской империи являлся императорский двор, состоявший из чиновников, которые носили придворные чины и звания как почетное отличие, определяющее их принадлежность к элитарному социуму, члены которого были тесно связаны друг с другом образованием, типом карьеры, стилем жизни, общими культурными ценностями, социальными и родственными связями. Реформа 1809 года обусловила пребывание в Придворном Штате нахождением на действительной службе, что привело к тому, что к концу XIX - началу XX века придворный превратился из аристократа, для которого придворная служба зачастую была единственным занятием, в эталонного представителя бюрократической элиты.

В 1914 году императорский двор достигает наибольшего размера - количество чиновников, имевших придворные чины и звания, достигает 1129 человек. Из них 34 % были чиновниками высших органов власти - Государственного совета, Государственной канцелярии, Правительствующего Сената и центральных учреждений министерств и ведомств, расположенных в столице; 30 % - чиновниками провинциальной администрации (в основном, губернаторы, вице-губернаторы, губернские и уездные предводители дворянства); 8 % - дипломаты; 8 % - состояли на службе почетными попечителями

и руководителями благотворительных и образовательных учреждений¹; 14 % придворных состояли на службе причисленными к тому или иному ведомству, участвуя в чиновничьем производстве, но не неся определенных обязанностей и не получая жалования; наконец, 6 % придворных, не имевших определенных должностей, вероятно, были уволенными в отставку чиновниками, сохранившими придворное звание в виде особой милости императора.

Дамы, состоявшие в Придворном Штате, носили придворные звания фрейлин, камер-фрейлин и статс-дам. Во фрейлины жаловались достигшие совершеннолетия девицы, терявшие это звание после выхода замуж. Достигшие пожилого возраста фрейлины могли быть пожалованы в камер-фрейлины. Для замужних существовало придворное звание статс-дамы, которым жаловались, как правило, представительницы высшей аристократии. Количество, как камер-фрейлин, так и статс-дам было немногочисленно, количество фрейлин не ограничивалось, их обязанности не регламентировались никакими особыми правилами. Например, в 1912 году в Придворном штате насчитывалось 9 статс-дам, 4 камер-фрейлины и 241 фрейлина.² Несколько фрейлин, так называемых свитных, состояло при императрицах, получая жалованье, квартиру при императорском дворце и право на придворный выезд.

Всего, за годы правления императора Николая II в Придворном штате состояло 1668 мужчин и 676 женщин. Среди них было 1944 православных, 205 лютеран, 113 католиков, 12 армяно-григориан и один мусульманин.

В социальном отношении придворный штат разделялся на старое дворянство – 1800 человек, новое дворянство – 358 человек, недворяне – 12 человек³. Происхождение 173 придворных установить не удалось. В национальном отношении они делились на следующие группы: русское дворянство – 1344 человек; дворянство прибалтийских губерний – 286 человек; польское дворянство – 143 человека; украинское дворянство – 99 человек; кавказская – 68 человек; дворянство Великого княжества Финляндского – 46 человек; бессарабское дворянство – 29 человек; выходцы из семей иностранного происхождения (немцы, французы, шотландцы и пр.) – 219 человек.

Национальные элиты связывали вместе этническая и конфессиональная общность, общая история, родственные и корпоративные связи, наконец, культура и менталитет.

К старому русскому дворянству принадлежало 1098 человек (364 женщины и 734 мужчины), происходивших из 357 родов.⁴ В группе доминировали

¹ Необходимо отметить, что благотворительная деятельность была очень популярна в среде высшей аристократии начала XX века. Среди прочих благ, она позволяла иметь социальный статус государственного служащего, не обременяя себя обязанностями. В данном случае имеется в виду, для которых подобная служба была единственным занятием.

² *Придворный календарь на 1912 г.*, Sankt Petersburg 1911, s. 327-338.

³ В данном случае имеются в виду выходцы из недворянских сословий, выслужившие права на дворянство, но не утвердившие их в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената.

⁴ Перечислим самые многочисленные: князья Голицыны – 42 человека; графы и дворяне Толстые – 32; князья Гагарины – 29; князья Урусовы – 22; графы и дворяне Шереметевы – 17; князья Трубецкие – 16; князья Шаховские – 14; графы Мусины-Пушкины – 14; князья Мещерские – 13; Нарышкины – 13;

представители старомосковских родов, чьи предки на протяжении веков являлись приближенными царей, таких как Шереметевы, Толстые, Голицыны и Трубецкие; полностью обрусевшие потомки татаро-монгольской знати – например, князья Урусовы, Кудашевы, Мещерские и иностранцев старого выезда – Лермонтовых, Лесли, Фонвизиных. Кроме этого ее дополняли представители провинциального дворянства, родословная которого зачастую не прослеживалась ранее 1612 года.

Прибалтийская группа была сформирована из членов шведско-немецких родов, осевших на территории будущих русских прибалтийских провинций в позднее Средневековье и внесенных в регистры местных сословных корпораций – матрикулы курляндского, лифляндского, эстляндского и эзельского рыцарства. В эту группу входили 286 человек (193 мужчины, 93 женщины), принадлежащих к 90 родам. Вероисповедание: лютеране- 129; православные – 124; католики – 5; неизвестно – 28. Особенное положение прибалтийского дворянства объяснялось тем, что при вхождении территорий прибалтийских губерний в состав Российской империи, правительство сохранило права и привилегии местных дворянских корпораций. Особенности инкорпорации в них гарантировали их членам социальную и национальную однородность, культурной однородности способствовало образование, получаемое в собственных сословных учебных заведениях, основанных и содержимых местным дворянством и заканчиваемое в Дерптском университете. Таковое обособленное положение, вероятно, привело к тому, что жертвами антинемецкой травли, начавшейся после вступления Российской империи в Первую мировую войну стал ряд придворных чинов – были лишены придворных чинов и званий гофмейстер, граф Константин Константинович Пален⁵, камергер, барон Андрей Богданович Майдель, камер-юнкер, барон Густав Вольдемарович Таубе⁶ и ряд других прибалтийских дворян. Приязненное отношение государственной власти создавало для выходцев из прибалтийского дворянства благоприятные возможности для карьеры, и с конца XVIII – начала XIX века отпрыски прибалтийских семейств начинают получать образование в Петербурге или в Москве и, поступая на государственную или военную службу, быстро русеть. Это и привело к значительному количеству православных в группе.⁷

Представители польской аристократии – Потоцкие, Браницкие, Сангушки и пр., появляются в составе придворной знати сразу после первого раздела Польши в конце XVIII века. В рассматриваемую эпоху придворные чин и звания носили 143 этнических поляка (122 мужчин, 22 женщины), происходящих из 80 родов. Среди них были как представители знаменитых

князья Долгорукие и Долгоруковы – 13; князья Оболенские – 13; князья Волконские – 12; Столыпины – 11; князья и дворяне Васильчиковы – 11; князья Щербатовы – 11; Евреиновы – 11; князья Бяргинские – 10. Из всех 357 родов старого русского дворянства, представленных в Придворном штате за время правления императора Николая Второго у 120 родов придворное звание имели 3 и более представителей.

⁵ Российский Государственный Исторический Архив [dalej: РГИА], zesp. 472, inw. 41 (229/2846), sygn. 137.

⁶ РГИА, zesp. 472, inw. 52, sygn. 77.

⁷ Александр Давыдов, *Воспоминания 1881-1955*, Paryż 1982, s. 101-104.

польских родов: 8 графов и графинь Потоцких, 8 Радзивиллов, 7 графов и графинь Тышкевичей и Велепольских, 5 графов и графинь Браницких, 4 князя и княжны Четвертинских, 3 князя Огинских, так и выходцы из менее родовой шляхты – Гурко, Лыщинские, Арцимовичи, Малевские-Малевичи, попавшие в состав придворной знати благодаря служебным заслугам. По вероисповеданию в данной группе было 102 католика, 38 православных и 1 лютеранин (состоявший в должности шталмейстера, генерал-майор Свиты Константин Рыздзевский). Сын виленского губернатора, мемуарист Лев Любимов писал «Русской власти польская аристократия импонировала своим богатством, пышностью, родством со знатнейшими семьями Европы. Русская власть ухаживала за ней, понимая к тому же, что это может быть единственный класс польского общества, на который можно рассчитывать. Со своей стороны, польская аристократия кокетничала с русской властью (только с высшей, с мелкими чиновниками она гнушалась общаться), потому, что эта власть охраняла «порядок», поддерживала ее социальное превосходство, а кроме того, расточала своим приспешникам многие блага. Польские магнаты были, в частности, очень падки на придворные звания. Когда, еще до назначения моего отца в Вильну, там состоялось открытие памятника мрачной памяти графу Муравьеву, Муравьеву-вешателю (при этом вешателю поляков), многие представители польской аристократии явились на это торжество; одни потому, что уже имели придворное звание и, значит, включились в русскую чиновную иерархию; другие – в надежде заслужить расшитый мундир и шляпу с плюмажем».⁸

В состав украинской группы входили потомки малороссийской казачьей старшины, в конце XVIII века начавшей инкорпорироваться в состав правящей элиты Российской империи и к началу XX века уже полностью русифицировавшейся. Проблемой кооптации местной элиты было то обстоятельство, что в российское дворянство жаловались только представители генеральной и полковой старшины. К этой группе принадлежало 99 человек (76 мужчин и 23 женщины), происходивших из 62 родов, среди которых было 6 представителей княжеского и дворянского рода Кочубей, 6 Родзянко, 5 Гудим-Левковичей. Группа не просто полностью русифицировалась, например, Шидловские стали воронежскими помещиками, Стаховичи – орловскими, Лавриновские – псковскими.

Выходцев с Кавказа насчитывалось 64 человека (34 мужчины, 30 женщин). По национально-конфессиональному признаку группа состояла из православных грузин – 51 человек, армяно-григориан – 12 человек и одного мусульманина. Грузины принадлежали к 27 родам, среди которых было 17 членов разных ветвей рода Багратион (10 светлейших князей Грузинских, 4 князей Багратион-Мухранских, княжна Багратион, князь Багратион-Давидов и светлейшая княжна Имеретинская); 3 Дадрианов (фрейлины светлейшие княжны Дадриан и Мингрельская, светлейший князь Мингрельский). Армяне происходили из 5 родов. Среди них был богатейший сибирский промышленник,

⁸ Л.Д. Любимов, *На чужбине*, Tazskient 1965, s. 32-33.

шталмейстер, князь Абамелик-Лазарев, пятеро князей Аргутинских-Долгоруковых, трех Лорис-Меликовы (фрейлины графини Лорис-Меликовы, статский советник Иосиф Григорьевич Лорис-Меликов), сыновья астраханского купца 1 гильдии, получившего дворянство, Сергеевы и отставной офицер Лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка Константин Акимов. Единственным мусульманином в придворном штате во время царствования Николая II, да и за всю историю был крупный землевладелец Дагестанской области, действительный статский советник Асельдер-бек Казанлипов, потомок шамхалов Тарковских, чиновник особых поручений при наместнике на Кавказе, пожалованный в должность шталмейстера благодаря протекции самого наместника, генерал-адъютанта, графа Воронцова-Дашкова. Данный факт свидетельствует, что механизм кооптации местных мусульманских элит отсутствовал.

Дворян Великого княжества Финляндского в придворном штате имелось 36 человек (27 мужчин и 9 женщин), принадлежащих к 23 родам. Как и среди прибалтийских дворян, по вероисповеданию подавляющее количество их было лютеранами (81 процент или 29 человек). Такое же значение как Императорский Юрьевский университет для прибалтийского дворянства в формировании общей культуры финляндского дворянства имел Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе.

К коренному бессарабскому дворянству в составе Придворного штата принадлежали 24 человека (19 мужчин и 5 женщин) из 9 родов. Среди них насчитывалось 9 членов фамилии Крупенских и 8 князей и княжен Кантакузен.

Особенности развития аппарата власти Российской империи способствовали вымыванию старой аристократии из правящей элиты, и служебное положение в бюрократической среде стало превалировать над былой знатностью рода. Принадлежавшие к высшей аристократии семьи графов Шереметевых, Строгановых, Шуваловых и им подобных, сохраняя большое политическое влияние, к концу XIX века не занимали важных государственных постов, ряд знаменитых в прошлом родов, таких как, например, князья Хованские, выпал из состава правящей элиты. Все чаще в высшие слои власти, а впоследствии и в состав придворного штата попадали выходцы из социально более низких слоев общества – купечества (графы и дворяне Ростовцевы, Косиковские, Савостьяновы, бароны Кусовы, Ольхины и др.), мелкой бюрократии, духовенства и мещанства.

В составе нового дворянства насчитывалось 101 русских, принадлежащих к 75 родам, 203 немца (143 мужчины и 60 женщин из 110 родов). Среди них было 149 православных, 44 лютеранина, 2 католика. Среди остальных 124 потомков иностранных выходцев (этнических французов – Бельгардов, Скалонов, Граве, шотландцев –Грейгов, Крейтонов и пр.) насчитывались 105 православных, 6 лютеран, 5 англикан, 4 католика, происходивших из 68 родов. Путь в правящую элиту Российской империи представителей этой группы иллюстрирует история семьи Любимовых. Её основатель, Николай Алексеевич Любимов, незаконнорожденный сын московской мещанки, сделал карьеру, став профессором физики Императорского Московского университета и

закончив ее в чине тайного советника и членом Совета Министра народного просвещения.⁹ Его единственная дочь Ольга вышла замуж за будущего правого политического деятеля и камергера, графа Владимира Филипповича Доррера. Сын Дмитрий, родившийся в 1863 году, после окончания юридического факультета Петербургского университета, поступает на службу в Министерство государственных имуществ, откуда благодаря протекции Плеве переводится в престижную Государственную канцелярию. В 1901 году по ходатайству государственного секретаря Плеве и обер-гофмейстера, князя М.С. Волконского ему жалуются звание камергера. В дальнейшем занимает пост виленского губернатора (в этой должности Дмитрий Николаевич Любимов был описан писателем Куприным в повести «Гранатовый браслет»), товарища Главноуправляющего Собственной Его императорского величества канцелярии по принятию прошений. Вершиной его карьеры становится чин гофмейстера, пожалованный в 1912 году и должности помощника Варшавского генерал-губернатора и сенатора.¹⁰ В браке с Людмилой Ивановной Туган-Барановской, происходившей из старинного литовско-татарского рода, сестрой гофмейстера Николая Ивановича Туган-Барановского и свояченицей статс-секретаря Государственного совета, гофмейстера Тимрота, имел упоминавшегося ранее сына Льва, родившегося в 1902 году, воспитанника престижного Императорского Александровского Лицея, который уже полностью ощущал себя членом государственной элиты, вспоминая о своих юношеских годах: «...в той или иной степени каждый из нас рос как "сын губернатора". Лицей укреплял сознание, что мы хозяева страны. Кто "мы"? Люди "дворянской культуры", то есть единственно "подлинной", которая выражает "все возможности России".¹¹

Придворный штат эпохи последнего царствия представлял собой некий социум, в состав которого входили высшая бюрократия, чиновники столичных учреждений, дипломаты и провинциальная администрация императорской России. Членов этого самого элитарного клуба империи связывали социальная и культурная идентичность, родственные связи, схожее образование, престижные места службы, наконец, самоидентификация себя как членов элиты, обладавшей монопольным правом на управление государством. Наличие или отсутствие представителей определенных национальных элит в составе Придворного штата, механизм их инкорпорации в состав правящей элиты государства и взаимодействие с ней, демонстрирует систему национальных и конфессиональных предпочтений и психологических установок аппарата власти Российской империи конца XIX – начала XX веков.

⁹ РГИА, zesp. 733, inw. 121, sygn. 619.

¹⁰ РГИА, zesp. 1284, inw. 47 (1914 r.), sygn. 312.

¹¹ Л.Д. Любимов, dz.cyt., s. 41.

Streszczenie

Stanisław Bogdanow

Skład narodowy elity rządzącej Imperium Rosyjskiego, na przykładzie etatu dworu Mikołaja II

Kwintesencją elity rządzącej Imperium Rosyjskiego był dwór imperialny. Szczególnie wdzięcznym obiektem badań jest dwór ostatniego władcy, który uczynił z niego elitę władzy Imperium. Autor analizuje etat dworu jako społeczność wyższej biurokracji – arystokratów, ale i urzędników urzędów stołecznych, dyplomatów i przedstawicieli administracji prowincjonalnej. Członków, tego najbardziej elitarnego klubu Imperium, wiązała identyfikacja kulturowa i społeczna, więzi rodzinne, wykształcenie, prestiżowe stanowiska, a także autoidentyfikacja, jako członków elity władzy. Obecność przedstawicieli określonych narodów w etacie dworu jest odbiciem statusu danej nacji.

Summary

Stanislav Bogdanov

National composition ruling elite of the Russian Empire, on the example of the state court of Nicholas II

The quintessence of the ruling elite of the Russian Empire was the imperial court. Especially grateful object of study is the court of last monarch, which made it the power elite of the Empire. The author analyzes the court's etat as a community, higher bureaucracy - aristocrats, but also capital's officials, diplomats and representatives of the provincial administration. Members of this most exclusive club of Empire associated cultural and social identity, family links, education, prestigious positions as well as self-identification as members of the ruling elite. The presence of representatives certain nations in the composition of the court is a reflection of the status this nation.

